

Бондарева Виктория Викторовна

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О РОЛИ, СУЩНОСТИ И ХРОНОЛОГИИ
"КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ" 1966-1976 ГГ. В КИТАЕ**

Статья посвящена анализу отечественной и зарубежной историографии второй половины XX столетия относительно роли, сущности и хронологии "культурной революции" в Китае. Подчеркивается неоднозначность сущностно-ролевых и хронологических суждений в историографической науке в отношении политических кампаний Мао Цзэдуна во второй половине 1960-х - первой половине 1970-х гг. в Китае; фиксируются тематические предпочтения научных разработок в китайской, отечественной и зарубежной историографиях, выявляется многоуровневый сущностный характер "культурной революции", охватившей все сферы жизни китайского общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/10/4.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (100). С. 24-29. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 94(510).093

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу отечественной и зарубежной историографии второй половины XX столетия относительно роли, сущности и хронологии «культурной революции» в Китае. Подчеркивается неоднозначность сущностно-ролевых и хронологических суждений в историографической науке в отношении политических кампаний Мао Цзэдуна во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. в Китае; фиксируются тематические предпочтения научных разработок в китайской, отечественной и зарубежной историографиях, выявляется многоуровневый сущностный характер «культурной революции», охватившей все сферы жизни китайского общества.

Ключевые слова и фразы: «культурная революция»; коммунистическая партия Китая; идеи Мао Цзэдуна; маоизм; социализм.

Бондарева Виктория Викторовна, к.и.н.

Кубанский государственный технологический университет
tsigrini@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О РОЛИ, СУЩНОСТИ И ХРОНОЛОГИИ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» 1966-1976 ГГ. В КИТАЕ[©]

В середине 1960-х гг. Китай вступил в новую эпоху своего исторического развития, связанную с окончательным утверждением господства коммунистической идеологии во внутривнутриполитической жизни государства. Именно тогда в стране началась санкционированная Мао Цзэдуном невероятно масштабная и многомерная, с точки зрения своего исторического выражения, «великая пролетарская культурная революция», главными вершителями которой стали глубоко преданные «великому кормчему» красногвардейцы (хунвэйбины) и воинствующие бунтари (цзаофани), ревностно не приемлющие все буржуазное. Насколько же культурная революция в Китае, направленная на утверждение пролетарских основ на всех уровнях организации общественных отношений, была «великой» и нужной, то есть исторически востребованной? Заметим, что этот, во многом риторический, вопрос в рамках отечественной науки имеет особую актуализацию, определяемую схожестью траекторий исторического развития России и Китая в плане задач построения социализма в прошлом. Более того, опыт советского и китайского социалистического строительства может характеризоваться в ряде случаев одним и тем же категориальным аппаратом, в том числе понятием «вождизм», подчеркивающим специфику политической организации социалистической системы, с одной стороны воспевающей демократические ценности, с другой стороны основанной на авторитаризме.

С нашей точки зрения, на идеологическом уровне социалистические государства, основанные на вождизме, стремились активно эксплуатировать архаический, но, тем не менее, вечно актуальный архетип «народной воли», не преследуя при этом целей его политического воплощения. Главным содержанием общественной политики являлась государственная забота о состоянии народного самосознания, которое должно было выступать «вместилищем» определенной (в данном случае коммунистической) идеологии. Безусловно, здесь не было и речи о выборе (выбор уже был свершен вождями коммунизма), речь шла о задачах и методах, обеспечивающих усвоение новой системы ценностей, характеризуемой универсализмом и отвечающей интересам коммунистического государства. Особенный контроль при этом осуществлялся над интеллигенцией, способной, в отличие от народных масс, подвергать проблемному осмыслению процессы, происходящие в обществе, и, следовательно, критически оценивать мотивы и действия вождей.

В наш век глобализирующегося пространства, поставивший во главу угла демократические ценности и их историческую реализацию, легко критиковать практические методы тотального контроля общественных отношений в государстве. Однако опыт социализма, на наш взгляд, который прошли Россия с Китаем, содержит в себе глубоко рациональные зерна масштабной государственной заботы об общественных интересах и, в особенности, о состоянии и содержании народного самосознания в отношении развития его морально-этических и гражданско-патриотических качеств. Изучение сущности социалистических систем, их теоретических основ и практического опыта имеет особое значение для современной России, развивающейся в направлении строительства основ социального государства и испытывающей потребность в активных гражданах (с развитым историческим сознанием), способных осознанно совершать политический, социально-экономический и культурный выбор внутри страны. Целью настоящей работы является выявление основных точек зрения в отечественной и зарубежной историографии второй половины XX в. относительно роли, сущности и хронологии «культурной революции» в Китае 1966-1976 гг. Что касается китайской историографии, то сразу после смерти Мао Цзэдуна руководство Коммунистической партии Китая (КПК) высоко оценивало деятельность своего вождя, подчеркивая его неоценимый вклад в дело строительства социалистического Китая. Преемник Мао на посту председателя КНР Хуа Гофэн призывал еще выше поднять его знамя, которое «вело китайцев из мрака к свету в обход неисчислимых подводных камней» [9, с. 23].

Однако в конце 1970-х гг. оценка «культурной революции» начала пересматриваться: ее кампании были осуждены, а деятельность самого Мао Цзэдуна уже не определялась как абсолютно безупречная. В 1979 г. на торжественном собрании, посвященном 30-й годовщине образования КНР, министр обороны Е Цзяньин

выступил с речью, в которой охарактеризовал события 1966-1976 гг. как «ожесточенную схватку между революцией и контрреволюцией», в период которой «имел место отход от демократического централизма, а также были предприняты ошибочный курс и ошибочные методы работы» [19, с. 45]. Все это, в конечном итоге, по мнению Е Цзяньина, привело к массовому уничтожению национальных культурных ценностей, к застойным тенденциям в научных знаниях, признаваемых источником реакционности, к преследованию и притеснению самых различных категорий населения и, в особенности, научной интеллигенции и явилось «чудовищным бедствием» для всего многонационального народа КНР [Там же].

Следующим этапом в пересмотре оценки «культурной революции» в отношении ее роли и сущности стал 1980 г., когда в официальных китайских статьях стал браться в кавычки сам термин «культурная революция», а ее события с этого времени характеризовались не иначе как «кровавый террор», «контрреволюционный захват власти», «контрреволюционное фашистское кровавое господство», «десятилетнее контрреволюционное страшное бедствие» [Там же, с. 47]. Впервые официально политические кампании «культурной революции», а также методы их организации и осуществления были осуждены на страницах газеты «Жэньминь жибао» (печатного органа ЦК КПК) в статье от 7 августа 1980 г. [Там же], однако, их критика тогда не касалась личности самого Мао, несшего главную ответственность за события 1966-1976 гг.

Значительное внимание маоистской «культурной революции» было уделено на VI пленуме ЦК КПК в июле 1981 г.: она оценивалась как «смута, вызванная сверху по вине руководителя и использованная контрреволюционными группировками», «смута, которая принесла серьезные бедствия партии, государству и всему многонациональному народу» [20, с. 157], однако критикующий тон в отношении Мао Цзэдуна носил весьма сдержанный и ограниченный характер. Особенно показательны, с этой точки зрения, действия Дэн Сяопина, который в момент подготовки решения пленума решительно призывал критиковать «ошибки товарища Мао Цзэдуна» «без всякого снисхождения» и, в то же время, предостерегал от опасного преувеличения в данном отношении, способного очернить не только «великого кормчего», но и КПК, и все государство [Там же]. Поэтому признание ошибок Мао Цзэдуна в годы «культурной революции» дополнялось на пленуме признанием того, что он, несмотря на промахи, всегда оставался верным интересам народа и государства, и что его ошибки были продиктованы желанием предотвратить отклонение Китая от пути социализма в сторону капитализма, в результате чего он и развернул серию кампаний во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг.

Несмотря на явно преобладающий отрицательный тон в оценке роли и сущности «культурной революции», китайские коммунистические лидеры не стремятся привлекать к обсуждению ее вопросов общественное внимание и не приветствуют их научную разработку, не желая принимать на себя, прежде всего, груз ответственности за происходившее в 1966-1976 гг. и уступать политическое господство другим силам. Все попытки сбора материалов о «культурной революции» и объективного изучения связанных с нею проблем пресекаются не только затрудненным доступом к архивным документам, но и многочисленными идеологическими запретами, вследствие чего многие китайские исследователи предпочитают работать за рубежом (Конг Као, Су Шаочжи и другие). Так, например, согласно мнению Су Шаочжи (США), «культурная революция» по своей сущности являет собой наглядное доказательство ошибочности политики КПК; она была «неизбежным продуктом развития и усиления однопартийной диктатуры, а также деспотизма вождя» [8, с. 14-15]. Развивая данное суждение, еще один китайский эмигрант Цзинь Чуньфэн пишет, что «причину такого безумного, разрушительного события, каким явилась “культурная революция”, следует искать не только в характере Мао Цзэдуна, но, главным образом, в сущности усвоенного им марксизма – закрытой идеологии, идущей наперекор требованиям современной эпохи, враждебно относящейся ко всякой передовой мысли, к просветительским взглядам, к демократическим идеям» [Там же]. Человеческим и лидерским качествам Мао Цзэдуна посвящена работа китайского журналиста Эрика Чоу, оценивающая вождя КПК далеко не в позитивном ключе [23].

В 1996 г. исполнилось тридцать лет со дня начала «культурной революции». Публицист Ван Жуньнань в статье, посвященной этой дате, назвал «культурную революцию» «трагикомическим спектаклем, постановщиком которого был мошенник, в роли актеров выступали безумцы, а зрителями были дураки» [Ibidem, p. 14]. В том же 1996 г. в Китае была опубликована работа известных китайских историков Си Сюаня и Цзинь Чуньмина под названием «Краткая история “великой культурной революции”» [Ibidem, p. 19]. Анализируя различные мнения о политических кампаниях 1966-1976 гг., авторы оценивали их в целом негативно и отрицали их революционную сущность, поскольку они «не вели и не могли вести к социальному прогрессу» [Ibidem]. Авторы не признавали положительную роль «культурной революции» и в борьбе с бюрократизмом; отказывались считать ее «подлинным демократическим движением масс», поскольку последние «не были движущей силой кампании, а были силой, которую использовали, которой манипулировали» [Ibidem]. Эта кампания, по мнению авторов, «ни в коей мере не отвечала требованиям народа, была насилием над демократией и правом» [Ibidem].

Полное несогласие со сколь-нибудь созидательной ролью «культурной революции» выражает и публицист Хэ Цзы, отрицающий стимулирующее влияние этого явления на развитие демократии в Китае [Ibidem, p. 18]. Он не разделяет точку зрения о росте недовольства среди народа в годы, предшествующие «культурной революции», и считает, что «широкие народные массы свято верили в коммунизм и доверяли своему вождю», воспринимая все его указания как «единственное мерило мудрости» [Ibidem]. Хэ Цзы указывает на изначальный антидемократический характер «культурной революции» и отрицает факт предоставления Мао Цзэдуном полной свободы народу, «который, якобы, мог беспрепятственно высказывать свои взгляды на митингах и в дацзыбао¹» [Ibidem]. По мнению Хэ Цзы, «на самом деле эта свобода обернулась свободой клеветать, доносить

¹ Дацзыбао (кит. – газета, написанная большими иероглифами) – рукописная стенгазета в Китае, используемая для пропаганды или выражения протеста.

и бить тех, на кого указывали маоисты» – «ни о каком самостоятельном мышлении, плюрализме мнений речи не могло быть»; «в стране тогда воцарилась атмосфера страха и террора, и многие видные ученые (Го Можо, Фэн Юлань) отрекались от своих трудов и ради выживания совершали постыдные дела» [Ibidem]. С большим сожалением Хэ Цзы пишет о последствиях «культурной революции», причисляя к таковым, прежде всего, возникновение и закрепление в историческом времени определенных образцов культуры поведения и свойств мышления – нетерпимости к инакомыслию, неприятия критики и других [Ibidem].

Однако следует обратить внимание, что в китайской историографии, несмотря на очевидность отрицательных последствий «культурной революции», присутствуют и положительные оценки политических кампаний второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг. Ярким примером является концепция двух «культурных революций», возникшая в начале 1990-х гг. Согласно одному из ее основоположников писателю Чжэн И, «культурная революция» была демократическим движением, великим народным восстанием во главе с Мао Цзэдуном, охватившим всю страну и направленным против партийных демократов и того деспотического партийного строя, который сложился после 1949 г. [Ibidem, p. 15]. Составной частью этой теории является концепция полного оправдания всех действий и поступков, чинимых бунтарями и красногвардейцами, развиваемая и другими китайскими авторами, в особенности, публицистом Лю Гокаем, который в прошлом состоял в одной из организаций цзаофаней и теперь классифицировал их действия как выражение требований народных масс [Ibidem, p. 16].

Долгое время в китайской историографии оставался нерешенным вопрос, связанный с политическим завещанием Мао Цзэдуна, его отношением к четвертой жене, «несостоявшейся императрице “культурной революции”» [5, с. 182] Цзян Цин, входившей в так называемую «банду четырех» (ближайших сподвижников «великого кормчего»). Всю ответственность за разрушения в годы «культурной революции» китайская пропаганда перекладывала именно на ближайшее окружение Мао и его супругу, которой он, якобы, был недоволен и осуждал ее.

Однако документы, обнаруженные в 1999 г. в доме бывшего начальника охраны Мао Цзэдуна Ван Дусина, кардинальным образом корректируют данный взгляд и свидетельствуют о том, что Мао Цзэдун до конца своей жизни высоко ценил деятельность супруги [9, с. 24]. Содержание этих документов (записи бесед председателя КПК с приближенными) указывает на неприязнь Мао Цзэдуна к почившему в январе 1976 г. премьеру Чжоу Эньлаю, которому, по его мнению, были оказаны чрезмерные почести. Главным объектом беспокойства китайского вождя, судя по запискам, была дальнейшая политическая судьба его супруги Цзян Цин, которую он желал видеть на посту заместителя председателя ЦК КПК и стремился закрепить за ней роль «знаменосца культурной революции» [Там же]. Мао Цзэдун опасался популярного в военных кругах Дэн Сяопина, способного «перевернуть Небо» и пересмотреть все его дела, и сомневался в том, что Хуа Гофэн сможет удержать власть в своих руках без должной поддержки. Ван Дунсин клятвенно обещал Мао Цзэдуну отстаивать его революционные идеи и защищать их «знаменосца» – Цзян Цин [Там же]. Следует заметить, что с этим же вопросом Мао Цзэдун обращался ранее к Хуа Гофэну и другим членам Политбюро ЦК КПК в июне 1976 г., завещая «помогать Цзян Цин нести Красное знамя» и «заботиться о том, чтобы оно не упало» [Там же].

В отечественной историографии оценка событий «культурной революции» началась еще в середине 1960-х гг. В Советском Союзе появилась обширная литература по «культурной революции»: авторы монографий, брошюр, очерков, статей, воспоминаний под различным углом зрения пытались проанализировать эту политико-идеологическую кампанию, подчеркивая, какой вред она нанесла КНР, какие беды и страдания причинила китайскому народу. Но для всех работ историков 1960-х – 1980-х гг. характерна высокая степень политизированности и идеологизации излагаемых концепций. Во многом это объяснялось тем, что отношения с Китаем вплоть до 1989 г., когда состоялся первый за последние 30 лет визит главы СССР М. С. Горбачева в КНР, были напряженными. Практически все действия как внутренней, так и внешней политики Китая расценивались как направленные против СССР, против истинного социализма, против великих идей марксизма-ленинизма. Работы и исследования сплошь изобиловали терминами «антикоммунистическая, социал-шовинистическая сущность» курса Мао Цзэдуна [1; 2; 6; 11; 12; 16; 21]. Маоизм оценивался как самый злобный и опасный враг мирового социализма, дела мира и прогресса. XXV съезд КПСС прямо указал, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением, враждебны ему. Съезд провозглашал борьбу против маоизма, против его идеологии и политики. Эти установки характерны почти для всех работ того времени [Там же].

Особенное внимание хотелось бы уделить работам В. Г. Гельбраса [7], М. И. Сладковского [17], Ф. М. Бурлацкого [5], В. И. Лазарева [13], С. Л. Тихвинского [18] и В. Н. Усова [20], стремившихся в непростой внутриполитической обстановке СССР максимально последовательно осветить проблему исторического развития Китая в годы «культурной революции». Прежде чем перейти к конкретному рассмотрению историографических взглядов отечественных историков, следует заметить, что им, в отличие от китайских исследователей и публицистов, вообще не свойственно выявление сколь-нибудь положительных воздействий «культурной революции» на китайское общество в целом и государственную структуру КНР. Для советской историографии характерен строго критический подход к событиям 1960-х – 1970-х гг. в Китае. «Культурная революция» рассматривалась, в основном, как политическая кампания, важнейшим итогом которой было утверждение военно-бюрократической диктатуры.

Что касается Мао Цзэдуна, провозгласившего «великую пролетарскую культурную революцию», то оценка его личности в советской историографии неоднозначна. Академик С. Л. Тихвинский, много лет работавший в Китае, характеризует Мао Цзэдуна как выдающегося китайского революционера, сделавшего немало для того, чтобы освободить страну от феодально-помещичьего гнета и угрозы порабощения империалистами, открывшего перед страной путь социализма. Однако автор подчеркивает, что Мао Цзэдуну было свойственно ошибаться. Так, например, «лица, идущие по капиталистическому пути и осужденные за это в годы “культурной революции”», в действительности являлись честными руководящими работниками партии и государственных организаций» [18, с. 141-142].

Не одну работу деятельности Мао Цзэдуна посвятил известнейший отечественный исследователь Ф. М. Бурлацкий. В частности, в своей книге «Мао Цзэдун и его наследники», вышедшей в 1979 г., он представил подробный идейно-психологический портрет вождя и дал оценку событиям «культурной революции» в Китае, охарактеризовав ее как «заранее продуманную акцию по устранению противников Мао Цзэдуна» [5, с. 127-137]. Ф. М. Бурлацкий пишет о том, что «культурная революция» была провозглашена Мао Цзэдуном еще в сентябре 1965 г. на секретном заседании ЦК КПК. Особенность «культурной революции», по Ф. М. Бурлацкому, состояла в том, что это была революция, проводившаяся тогда меньшинством [Там же], хотя и возглавляемая лидером партии, против большинства в руководстве ЦК КПК. Автор задается вопросом, каким образом Мао сумел победить это большинство? Ответ, согласно Ф. М. Бурлацкому, состоит в том, что Мао Цзэдун смог привести в действие нужные рычаги власти, обеспечившие ему решительный внутривластный перевес, а именно, власть военную и власть духовную, идеологическую [Там же]. При этом историк подчеркивает особую значимость последней: «Идеологический режим, режим культа личности Мао – вот что дало ему силу одолеть своих достаточно могучих противников» [Там же].

Выдающийся отечественный китаевед В. Н. Усов в ряде своих работ оценивает «культурную революцию» как строго политическую кампанию, направленную против партийцев, не согласных с курсом Мао Цзэдуна. В. Н. Усов, подобно ряду китайских ученых, разделяет установки VI пленума ЦК КПК (июль 1981 г.) относительно определения «культурной революции» как смуты, не имеющей ничего общего с социально-экономическим и политическим прогрессом. Хронологические рамки «культурной революции» В. Н. Усов определяет 1966-1976 гг., а ее историю делит на три этапа: 1) май 1966 г. – апрель 1969 г.; 2) май 1969 г. – август 1973 г.; 3) сентябрь 1973 г. – октябрь 1976 г. [20, с. 157-158]. Этой периодизации придерживается большинство отечественных и китайских исследователей.

У другого известного отечественного исследователя В. Г. Гельбраса иная точка зрения на этот счет. Верхнюю грань хронологии «культурной революции», начавшейся в 1966 г., он определяет апрелем 1969 г., поскольку именно к этому моменту была достигнута главная цель «культурной революции» – установление абсолютной власти Мао Цзэдуна [7, с. 5]. Период начала 1969 г. – первой половины 1970 г., когда происходила стабилизация установленного режима, а также все последующие процессы автор рассматривает уже не как «культурную революцию», а как проявление ее последствий и влияний, выражающихся в виде общественно-политических сдвигов [Там же].

Один из крупнейших отечественных китаеведов М. И. Сладковский еще более сужает хронологические рамки «культурной революции», датируя ее 1966-1968 гг. С конца 1968 г., пишет М. И. Сладковский, началось юридическое оформление того, что было создано в годы «культурной революции», а именно, авторитарного режима Мао Цзэдуна, опирающегося на армию. Важнейшим мероприятием в этом направлении ученый считает IX съезд КПК, который открылся в апреле 1969 г. Касательно целевого назначения этой кампании автор отмечает, что «культурная революция» расчистила Мао Цзэдуну путь к осуществлению его «заветной мечты» – «созданию милитаристского государства, которое даже в условиях экономической отсталости, при наличии в стране избыточного населения, могло бы, по представлению Мао Цзэдуна, стать решающей военной силой в мире» [17, с. 129]. Профессор МГУ М. С. Капица, определяя хронологические рамки «культурной революции» 1966-1969 гг., пишет, что она преследовала три главные цели: во-первых, сокрушить оппозицию идеям Мао; во-вторых, подготовить почву для повторения в новом варианте «большого скачка»; в-третьих, превратить КНР в военно-бюрократическое государство. Взгляд М. С. Капицы интересен тем, что он рассматривает «культурную революцию» в двух аспектах – культурном и политическом, тогда как для отечественной историографии, в общем, свойственно рассмотрение именно политической стороны этого явления. Так, первый период «культурной революции» (август-ноябрь 1966 г.) автор характеризует как начальную фазу переворотов непосредственно в области культуры. С ноября 1966 г., пишет М. С. Капица, по личному указанию Мао Цзэдуна «культурная революция» начала перерастать в политическую чистку органов партийного аппарата, образования и культуры. Особое внимание автор обращает на идеологический аспект рассматриваемого явления, отмечая, что культ Мао Цзэдуна, доведенный до крайности, превратился в религиозное поклонение вождю как божеству. М. С. Капица сравнивает красный цитатник Мао с «чудотворящей библией», от которой «глухие вдруг стали слышать, а немые заговорили» [10, с. 299-301].

Объектом особого внимания «культурная революция» являлась и для доктора исторических наук, крупнейшего отечественного синоведа Л. П. Делюсина. В последних своих работах он оценивал «культурную революцию» как «личную кампанию Мао Цзэдуна», «десятилетнюю смуту 1966-1976 гг.», нацеленную против его политических соперников. Л. П. Делюсин напрочь опровергал современные теории историографии Китая о демократическом характере «культурной революции». Он не считал действия бунтарей и красногвардейцев выражением требований народных масс. Оценка бунтарей как предшественников нынешнего демократического движения, по мнению историка, просто абсурдна, ибо, как пишет Л. П. Делюсин, «демократизма во время “культурной революции” не было и в помине». Творя безобразия и бесчинства, издеваясь над людьми, считавшимися врагами народа, бунтари хорошо осознавали свою безнаказанность, что и придавало им храбрости в расправах над негодными Мао Цзэдуну. Именно «великий кормчий» и «китайский Берия» Кан Шэн, отмечает Л. П. Делюсин, обеспечивали прикрытия безнаказанным делам цзаофаней [8, с. 16].

Историк А. А. Писарев, анализируя события 1960-х – 1970-х гг., пишет, что в период «культурной революции» произошло откровенное возрождение традиций «восточного деспотизма», когда «феномен любящего страха наполнял все сферы общественно-политической жизни» [15, с. 685]. В руках председателя ЦК сосредоточилась вся полнота власти (партия, правительство, армия), законно утвержденная на IX съезде КПК в апреле 1969 г.

Период 1966-1969 гг. А. А. Писарев определяет как решающую фазу «культурной революции» 1966-1976 гг., когда победа меньшинства партийного руководства во главе с Мао Цзэдуном была очевидна [Там же].

Доктор исторических наук Д. Г. Песчаный, оценивая явление «культурной революции» (1966-1976 гг.), отмечает, что это была революция Мао Цзэдуна, которая проводилась официально без отмены существующего режима. Ее сутью была «борьба со всеми несогласными с линией Мао» [14, с. 83-87]. Последний надеялся разгромить своих противников – людей, которые осознали всю пагубность его политики 1950-х – начала 1960-х гг., и ему это, по мнению Д. Г. Песчаного, удалось. К середине 1970-х гг. силы, выступавшие против Мао Цзэдуна в начале 1960-х гг., были сломлены. В стране установилась административно-командная система, основой которой являлся процветающий культ Мао Цзэдуна [Там же].

Тема китайского социализма привлекала внимание и зарубежных исследователей, которые разрабатывали ее, прежде всего, в русле портретно-биографических характеристик Мао Цзэдуна [22; 24-28; 31-36; 40; 41; 44], уделяя при этом внимание и проблемам «культурной революции», пришедшейся на годы «поздней карьеры» Мао [29; 30]. Достаточно большое количество работ Китаю посвятил американский журналист Эдгар Сноу, поддерживавший дружественные отношения с КПК. Одна из первых его работ под названием «Красная Звезда над Китаем» вышла в свет еще в 1938 г. в Нью-Йорке, а позже была переиздана там же в 1968 и 1973 гг. [38]. Э. Сноу неоднократно бывал в Китае, встречался с китайскими лидерами – Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, брал у них интервью. Впоследствии эти материалы и были положены в основу его книг о Мао и китайском социализме (считается, что именно благодаря книгам Э. Сноу китайский лидер Мао Цзэдун стал известен на Западе) [37; 39]. В оценке Э. Сноу «культурная революция», получившая эпитет «долгой», являлась личной политической кампанией великого вождя и была призвана уничтожить всех его политических противников и потенциальных соперников в руководстве партии и страны (и, прежде всего, Лю Шаоци, идея об устранении которого созрела у Мао Цзэдуна, по его собственным словам, уже к концу 1965 г.) [39].

В западноевропейской историографии, равно как и в китайской, проявили себя положительные (либеральные) и отрицательные (строго критичные) оценки событий «культурной революции» в Китае (при этом, заметим, что отечественные исследователи О. Борисов и М. Ильин указывали в целом на либеральную окраску зарубежной историографии в отношении политических кампаний Мао Цзэдуна во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг., объясняя ее прозападным внешнеполитическим курсом маоистского правительства [4, с. 83-84]). Так, в позитивном ключе «культурная революция» была оценена американским синологом Дж. Арчером, одобрительно относящимся к действиям руководства Мао Цзэдуна в 1960-е – 1970-е гг. и считавшим, что «она позволила Мао Цзэдуну преодолеть сопротивление сторонников развития отношений с Москвой», «избавиться от влияния советского образца строительства социализма» и «начать политику широких контактов с Западом» [Там же, с. 83]. Известный американский синолог Дж. Фэрбэнк в своей работе «Соединенные Штаты и Китай» подчеркнул, прежде всего, внутривнутриполитический аспект «культурной революции» и назвал ее «сверхкампанией» Мао Цзэдуна, направленной против обюрокочивания партии и развития ревизионизма в ней [Там же]. Оценка масштабов партийных чисток представлена в работах итальянских историков М. Маччокки и А. Яковьело (1970-е гг.), которые считали, что КПК в годы «культурной революции» не только не была разгромлена, но и не понесла урона [19, с. 44]. Английский синолог Т. Треджер в книге «Экономическая география Китая» представил «культурную революцию» как далеко идущую по своим результатам политическую кампанию, призванную перевоспитать народ в русле приоритета духовных ценностей над материальными благами [4, с. 85; 43]. Французский историк Р. Гароди, относясь весьма лояльно к «культурной революции» Мао Цзэдуна, трактовал ее как «новую революционную модель социализма» [4, с. 85-86].

Строго критичную оценку «культурной революции» в зарубежной историографии 1960-х – 1970-х гг. мы находим в трудах французского публициста Ж. Видаля, а также американских исследователей С. Лейза и Р. Лифтона. В своей книге «Куда ведет Китай группа Мао Цзэдуна», опубликованной в Москве в 1967 г., Ж. Видаль указывал, что антидемократическая по своему характеру «культурная революция» была направлена на подавление идеологической оппозиции Мао Цзэдуна и являлась «зловещей операцией» против самой КПК, осуществление которой Мао Цзэдун поручил непосредственно армии [10, с. 300].

В работах С. Лейза и Р. Лифтона, опубликованных в Нью-Йорке, «культурная революция» определена как «трагическая кульминация», порожденная узким видением революционных реформ [29], как грандиозная по своим масштабам «паранойя Мао Цзэдуна» [30]. Критике в западноевропейской историографии было подвергнуто и ближайшее окружение Мао в период «культурной революции» и, в частности, его супруга Цзян Цин («Мадам Мао Цзэдун»), которую простые китайцы прозвали демоном Белая Кость (коварным злым духом из китайской классической литературы, прятаявшем свою личину под обликом прекрасной женщины). Этот эпитет стал сущностью исторической оценки Цзян Цин в книге известного австралийского ученого Р. Террилла, работавшего в США [42].

Итак, можно заключить, что в историографической науке второй половины XX столетия события «культурной революции» в Китае оценивались весьма неоднозначно. Проанализированная нами научная литература свидетельствует о преобладании негативных оценок в отношении политических кампаний, осуществлявшихся Мао Цзэдуном и его сподвижниками во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. Многообразие сущностных трактовок подчеркивает многогранный характер «культурной революции», охватившей все сферы общественно-политической жизни Китая [3, с. 171-174]. В плане тематических разработок следует заметить, что собственно в китайской историографии в большей степени получили решение вопросы, касавшиеся роли и сущности политических кампаний 1966-1976 гг.; в отечественной историографии – вопросы хронологии «культурной революции» и ее отдельных этапов, соотносимых с определенным историческим содержанием; западная историография проявила характерную для себя тенденцию оценки политических событий в Китае

в плане их соотнесенности с понятиями «советизма» и «антисоветизма» (что, впрочем, было характерно и для советской науки). Таковы основные аспекты историографического анализа маоистской «культурной революции», сохраняющей и сегодня свое актуальное звучание в Китае, развивающемся в направлении социализма и сохраняющем достаточно большой пиетет к своему «великому кормчему» Мао Цзэду – «солнцу многомиллионного населения Китая», превратившему отсталую полуфеодалную аграрную страну в независимую атомную державу.

Список литературы

1. Алтайский М. Л. Вступительная статья // Маоизм без прикрас: сборник высказываний Мао Цзэдуна / под ред. О. В. Владимирова. М., 1980. 286 с.
2. Алтайский М. Л., Георгиев В. Г. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэдуна. М., 1969. 142 с.
3. Бондарева В. В. Культура и «культурная революция» в КНР (1966-1976 гг.): соотношение понятий // Грани 2004: материалы IV Научной сессии ФИСМО (факультет истории, социологии и международных отношений). Краснодар, 2004. С. 171-174.
4. Борисов О., Ильин М. Маоистская «культурная революция» // Вопросы истории. 1973. № 11. С. 83-86.
5. Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэдун и его наследники. М., 1979. 400 с.
6. Бурлацкий Ф. М. Маоизм – угроза социализму в Китае. М., 1968. 176 с.
7. Гельбрас В. Г. Китай: кризис продолжается. М., 1973. 224 с.
8. Делюсин Л. Десятилетняя смута или две революции? // Азия и Африка сегодня. 1997. № 12. С. 14-19.
9. Делюсин Л. Китай. Каково место Мао Цзэдуна в истории страны // Азия и Африка сегодня. 2001. № 2. С. 23-24.
10. Капица М. С. КНР: два десятилетия – две политики. М., 1969. 352 с.
11. Капченко Н. И. Антикоммунистическая сущность идеологии и политики маоизма. М., 1976. 48 с.
12. Критика теоретических концепций Мао Цзэдуна / под ред. Ф. В. Константинова, М. И. Сладковского. М., 1970. 293 с.
13. Лазарев В. И. Классовая борьба в КНР. М., 1981. 318 с.
14. Песчаный Д. Г. Очерки новейшей истории стран Востока после Второй мировой войны (1945-1990-е гг.). Краснодар, 1998. 257 с.
15. Писарев А. А. Китай в 1957-1976 гг.: попытки реализации маоистской утопии // История Китая. М., 2002. С. 685-687.
16. Румянцев А. М. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэдуна» (об антимарксистской сущности маоизма). М., 1972. 380 с.
17. Сладковский М. И. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978. 221 с.
18. Тихвинский С. Л. Они были первыми // Китай: история в лицах и событиях. М., 1991. С. 141-142.
19. Усов В. Н. К вопросу об оценке маоистской «культурной революции» // Вопросы истории. 1982. № 2. С. 44-47.
20. Усов В. Н. «Культурная революция» в Китае // Китай: история в лицах и событиях. М., 1991. С. 157-160.
21. Ященко Г. Н. Идеологическая борьба в КНР (1957-1964). М., 1977. 107 с.
22. Breslin S. Mao. New York, 1998. 224 p.
23. Chou E. Mao Tse-tung: The Man and the Myth. New York, 1982. 289 p.
24. Cohen A. The Communism of Mao Tse-tung. Chicago, 1964. 210 p.
25. Devillers P. Mao. New York, 1969. 317 p.
26. Fairbank J. The United States and China. Cambridge, 1983. 660 p.
27. Fitzgerald C. Mao Tse-tung and China. New York, 1976. 166 p.
28. Karnow S. Mao and China: 1972. New York, 1990. 573 p.
29. Leys S. The Chairman's New Clothes: Mao and the Cultural Revolution. New York, 1977. 261 p.
30. Lifton R. Revolutionary Immortality: Mao Tse-tung and the Chinese Cultural Revolution. New York, 1968. 178 p.
31. Meisner M. Mao's China. New York, 1977. 416 p.
32. Pay L. Mao Tse-tung: The Man in the Leader. New York, 1976. 346 p.
33. Rise E. Mao's Way. Berkeley, 1972. 596 p.
34. Schram S. Mao Tse-tung. New York, 1966. 351 p.
35. Schram S. Political Thought of Mao Tse-tung. New York, 1963. 479 p.
36. Short P. Mao: A Life. New York, 2000. 782 p.
37. Snow E. Red China Today. New York, 1970. 749 p.
38. Snow E. Red Star over China. New York, 1973. 543 p.
39. Snow E. The Long Revolution. New York, 1973. 257 p.
40. Spence J. Mao Zedong. New York, 1999. 160 p.
41. Terrill R. Mao: A Biography. New York, 1980. 481 p.
42. Terrill R. The White-Boned Demon: A Biography of Madame Mao Zedong. New York, 1984. 446 p.
43. Tregear T. Economic Geography of China. London, 1970. 276 p.
44. Wilson D. The People's Emperor Mao: A Biography of Mao Tse-tung. New York, 1980. 530 p.

**DOMESTIC AND FOREIGN RESEARCHERS ON THE ROLE, ESSENCE
AND CHRONOLOGY OF 1966-1976 "CULTURAL REVOLUTION" IN CHINA**

Bondareva Viktoriya Viktorovna, Ph. D. in History
Kuban State Technological University
tsigrini@mail.ru

The article analyzes the domestic and foreign historiography of the second half of the XX century on the role, essence and chronology of "cultural revolution" in China. The author emphasizes the ambiguity of the essential-role and chronological arguments in historiographic science in relation to Mao Zedong's political campaigns in the second half of the 1960s – the first half of the 1970s in China; the paper identifies the thematic preferences of scientific researches in Chinese, domestic and foreign historiographies, reveals the multi-level essential nature of "cultural revolution" having covered all the spheres of the Chinese society's life.

Key words and phrases: "cultural revolution"; Communist Party of China; Mao Zedong's ideas; Maoism; socialism.